Текст · 10 июля 2019, 06:03
Никита Сологуб,

«Лиза, не плачь. Кругом гестапо». Как студентка из Самары была дважды оправдана присяжными и получила восемь лет колонии

Самарский областной суд сегодня оставил в силе восьмилетний срок для Елизаветы Кенешовой — по версии защиты, 20-летняя девушка согласилась забрать в службе доставки посылку, адресованную ее знакомой, и стала фигурантской дела о покушении на сбыт наркотиков в особо крупном размере: в посылке был мефедрон; о содержимом студентка, по ее словам, не знала.

Вечером 4 сентября 2017 года 21-летний студент Дмитрий Дейна вернулся в однушку на Ново-Садовой улице в Самаре. Квартиру он снимал со своей девушкой — 20-летней Елизаветой Кенешовой. Дома ее не оказалось. Молодой человек удивился: они встречались со школы и жили вместе уже два года, но до сих пор его подруга еще никогда не пропадала без предупреждения.

Дмитрий стал обзванивать друзей и знакомых — Лизу никто не видел. Паниковать раньше времени студент не хотел и лег спать, а наутро пошел в университет. Во время одной из пар девушка позвонила ему с неизвестного номера. Она сказала, что ее по ошибке задержали сотрудники ФСБ, вместе с которыми она уже успела зачем-то заглянуть в их съемную квартиру, и пообещала скоро вернуться.

Дома Дмитрия ждал беспорядок — как будто там что-то искали.

«Что именно искали, я не допер. Что делать нужно было, тоже не очень было понятно. Я просто тупо сидел и ждал, потому что не знал, куда обращаться: еще обратишься в полицию и хуже сделаешь. В смятении был, короче», — вспоминает молодой человек.

Лиза вернулась через два дня — голодная и невыспавшаяся, она рассказала, что была задержана из-за чужой посылки. Уверенные в том, что произошло недоразумение, молодые люди продолжали жить и учиться в Самаре, предпочитая не вспоминать о задержании — до тех пор, пока Кенешовой не дали восемь лет колонии.

Знакомство

Лиза и Дмитрий решили переехать из казахстанского Актюбинска в Самару еще в школе. Дмитрий, учившийся на класс старше, покинул родной город первым и поступил в политехнический университет на механика. Родители купили молодому человеку двушку в новом квартале «Южный город», которую тот сдавал, а взамен за 15 тысяч рублей в месяц снимал однокомнатную на Ново-Садовой — поближе к университету. Когда Лиза приехала в Самару и поступила на экономиста, они стали жить вместе и разделили расходы на жилье пополам — деньги девушке регулярно присылали родители и тетя. Согласно выпискам с банковских карт, с ноября 2016 года по весну 2018-го Кенешовой от родственников поступило больше 500 тысяч рублей.

Лиза училась на очном отделении Самарского университета, но никогда не отказывалась от возможности подработать моделью, табачным промоутером или официанткой. Всерьез же связать свою жизнь девушка хотела с индустрией красоты — она прошла больше ста академических часов практического курса визажистов. «Она очень хорошо рисует, красит — нравится ей это, это ее стихия. Потом, когда она эти курсы окончила, она стала принимать девчонок на дому, красить их ко всяким торжествам — такое хобби у нее было, которое она хотела, чтобы переросло в работу», — вспоминает мать Кенешовой Людмила.

В начале 2017 года друзья Лизы и Дмитрия открыли кальянную *MIB Lounge & Bar* — и молодая пара стала часто проводить время в этом заведении. Когда кому-либо из официанток нужно было отлучиться со смены, Лиза соглашалась подменить ее. На

одной из таких смен в начале лета девушка познакомилась с 23-летней Наргиз Мамедовой — сестрой одного из совладельцев кальянной, отчисленной из медицинского университета уроженкой Азербайджана с татуировкой в виде цветка на тыльной стороне ладони. Наргиз пришла в кафе с пакетом из парфюмерного магазина «Рив Гош».

Заинтересовавшись, Лиза завязала с ней разговор о косметике. Вскоре Мамедова пришла к Кенешовой домой, чтобы та сделала ей макияж. Когда пришла пора платить, Наргиз предложила вместо денег косметику фирмы *NYX*, которую она заказала через интернет. Лиза согласилась и вскоре получила оплату натурой.

После этого Мамедова еще дважды приходила к Кенешовой в гости, вспоминает Дмитрий. «Она приходила, Лиза ее красила — к ней часто девчонки так приходили, когда собирались куда-то. Я бы не назвал ее близкой подругой, но иногда замечал, что она будто подмазывалась к Лизе — задвигала, мол, мы с тобой так похожи и все такое», — рассказывает он.

Посылка

Как рассказывала позже Кенешова на допросе у следователя, в конце лета 2017 года Мамедова позвонила ей и сказала, что хочет заказать косметику в интернет-магазине — поскольку сама Наргиз в ожидаемые даты доставки уезжала, она предложила Лизе оформить заказ на ее имя. Та согласилась.

Позже Мамедова уточнила, что в качестве телефона для связи в заказе указан номер ее друга и бывшего однокурсника, 24-летнего студента-медика Ниджата Нагиева — кроме косметики в посылке, объяснила она, должны будут лежать тяжелые колонки, которые молодой человек сразу заберет себе, чтобы не утруждать Кенешову. Согласно характеристике из приговора, Нагиев «страдает тяжелым заболеванием, является инвалидом 2 группы до 2021 года, диагноз — лимфома (лимфогранулематоз) 3 стадии[1] после комплексного лечения, проходит лечение с 2005 года».

4 сентября Лиза вернулась домой из университета, когда на ее телефон позвонили с неизвестного номера. Это был Нагиев — он сказал, что посылка, о которой девушка уже успела забыть, прибыла в Самару. «Он уточнил, что посылку уже пора получить, и что, так как она тяжелая, он заберет ее себе, а затем передаст Мамедовой. <...> Я не хотела забирать посылку в тот момент, так как только пришла из университета и была голодная, в связи с чем сказала ему, чтобы он забрал посылку вместе с Мамедовой сам, попросила его связаться с ней, — объяснит позже Кенешова следователю. — Но Нагиев сказал, что уже звонил Мамедовой и не дозвонился, в связи с чем нам необходимо самим поехать и получить посылку. Он сказал, чтобы я поехала сразу, на что я согласилась, но сказала, что не хочу тратить деньги на такси, на что он сказал, что сам оплатит. По пути ко мне подсел Нагиев, он же и расплатился за проезд».

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

В кабинете службы доставки *Dimex* Кенешова расписалась на бланке, и Нагиев взял увесистую посылку в руки. В коридоре путь им преградили четверо мужчин в штатском. Показав удостоверения работников ФСБ, они объявили молодым людям, что содержимое коробки надо проверить, и препроводили их в соседний кабинет. В качестве представителей общественности[2] вызвали двух сотрудниц компании, Светлану Вечеркину и Юлию Рощину.

Перед началом осмотра, вспоминали они на допросе в тот же день, сотрудники ФСБ спросили у Кенешовой, почему в накладной оказалась указана ее фамилия. Та рассказала о просьбе Мамедовой. На такой же вопрос о его номере мобильного телефона Нагиев, по словам Вечеркиной и Рощиной, ответил, что Мамедова, «ссылаясь на занятость, попросила его проконтролировать и поучаствовать в получении почтового отправления». Когда один из оперативников поинтересовался, имеются ли в посылке запрещенные предметы и вещества, молодые люди ответили отрицательно.

В коробке действительно обнаружилась акустическая система 2.1[3]. Открутив отверткой заднюю крышку сабвуфера, оперативники обнаружили два свертка с сыпучим веществом — как покажет позже экспертиза, это был мефедрон массой 649 грамм. После этого Нагиев сказал, что готов сотрудничать

со спецслужбой, а один из оперативников написал постановление о начале оперативно-розыскного мероприятия «контролируемая поставка».

После этого Нагиев рассказал, что посылку заказала Мамедова, не сообщив Кенешовой о ее содержимом; сам же он знал, что внутри будет мефедрон, и по договоренности с бывшей однокурсницей должен был сообщить ей в телеграме о получении. В айфоне Нагиева Мамедова была записана как Вася. Ответила она не сразу — тем временем оперативники успели произвести обыск в съемной квартире Нагиева. В холодильнике они нашли свертки с мефедроном, расфасованным по обернутым черной изолентой зиплокам; при этом на одном из свертков было написано «СК-100 (без магнитов) 100». Общая масса свертков составила 280 граммов — позже экспертиза установила, что 111 граммов приходилось на наркотик.

Мамедова написала Нагиеву первой, спросив, где он. «Домой еду, заехал покушать», — свой ответ юноша согласовал с сотрудниками ФСБ. «Вася» пообещала заехать, однако после этого стала проверять собеседника, задавая контрольные вопросы и оттягивая время встречи. В итоге Мамедова пообещала встретиться с подельником в три часа ночи 6 сентября и перестала отвечать на сообщения — и «контролируемую поставку» пришлось прекратить.

На допросе в ФСБ Нагиев рассказал, что познакомился с Мамедовой в 2012 году и с тех пор поддерживал с ней дружеские отношения. На пятом году знакомства, летом 2017-го, студент

пожаловался девушке на нехватку денег. Через пару дней Мамедова предложила ему подработать, распространяя закладки. Нагиев согласился. Вскоре Наргиз передала приятелю 15 свертков в черной изоленте, которые молодой человек заложил в разных частях города. В дальнейшем, говорил он, это повторялось еще три раза — каждый раз с тем же числом закладок. В середине июля Мамедова сняла закладчику квартиру и стала привозить ему наркотики на хранение, а в конце августа сообщила, что «заказала крупную партию мефа», оформив доставку на Елизавету Кенешову.

«Кенешова заехала за мной, и мы поехали получать посылку <...> Хочу пояснить, что Кенешова не знала, что в посылке находятся наркотики — я ей не сообщал о содержимом посылки, из общения с ней, судя по ее вопросам о содержимом, [было понятно, что] Мамедова ей также ничего не сообщала о находившихся в посылке наркотиках», — сообщил Нагиев.

В тот же день в квартире, которую Лиза снимала вместе с Дмитрием, прошел обыск — оперативники ФСБ не только не обнаружили там наркотиков, но даже ничего не изъяли.

Дело

6 сентября 2017 года следователь следственного отдела УФСБ по Самарской области старший лейтенант Лисовский возбудил в отношении Нагиева дело по части 3 статьи 30, части 5 статьи 228.1 УК (покушение на сбыт наркотиков в особо крупном

размере). Онкобольного студента заключили под стражу, а Лиза вернулась домой в статусе свидетеля.

«Ее трое суток там держали, на лавочке в коридоре здания ФСБ, потом сажали в машину, возили по городу в поисках Мамедовой — все это происходило без процессуального оформления. Она не давала никаких признательных показаний, но ей не давали есть, спать, она человек без адвоката, без юридического образования, еще молодой совсем человек, ну и они ей дали листы бумаги, она в них расписалась: "Хочешь идти домой, вот здесь вот, пожалуйста, оставь автограф"», — уверяет адвокат Кенешовой Сергей Анищенко.

Хотя Нагиев говорил о роли Мамедовой с первых дней задержания — в дальнейшем он подтвердил свои показания на допросах в качестве подозреваемого и обвиняемого — в розыск девушку объявлять не стали; тем не менее, как следует из материалов уголовного дела, спецслужбе было известно, что 6 сентября она вместе с мужем вылетела в Сочи.

Лиза продолжила жить на съемной квартире вместе с Дмитрием, время от времени появляясь на допросах, которые, впрочем, назначали нечасто. «Периодически звонил сотрудник, приезжал к нам домой, она давала показания — все было довольно спокойно, а с января 2018-го года от нее вообще отстали. Возможности покинуть страну мы не рассматривали — зачем, если она свидетель всего лишь? Конечно, страх был, что могут быть какие-то козни, но мы верили, что все обойдется, что со всем разберутся», — вспоминает молодой человек.

По его словам, о том, что Лиза может стать фигурантткой уголовного дела, молодая пара даже не догадывалась — как и о том, что еще в день задержания следователь Лисовский оформил протокол допроса Кенешовой в качестве свидетеля, в котором та фактически признавалась в распространении наркотиков. Согласно документу, содержание которого, по словам адвоката Анищенко, не было известно ни ему, ни самой девушке вплоть до ознакомления с материалами дела, в начале июня Мамедова предложила Кенешовой расфасовывать наркотики, на что та якобы ответила согласием.

Затем, в течение всего лета, «примерно раз в неделю», Наргиз якобы приезжала домой к Лизе и «передавала ей порошкообразное вещество, а также предметы для расфасовки и упаковки наркотиков: весы, железную маленькую ложку и упаковочные пакеты с застежкой типа "зип-лок"», каждый раз привозя примерно по 50 граммов наркотика. При этом фиксированной платы за расфасовку не было — вместо этого Мамедова два-три раза в месяц давала Кенешовой свою банковскую карту, с которой та снимала по 5 тысяч рублей, в основном используя ее для оплаты покупок. В июле, говорится в этом протоколе, Мамедова познакомила Кенешову с Нагиевым, из разговора с которым та поняла, что он делает закладки. В начале августа знакомая сообщила Лизе, что заказала доставку наркотиков на ее имя.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Через месяц после начала расследования лейтенант Лисовский повторно допросил сотрудниц курьерской службы Вечеркину и Рощину: на этом допросе они неожиданно вспомнили, что удивление Лизы при виде свертков, извлеченных из сабвуфера, показалось им «неестественным» и «наигранным». 27 октября показания против Кенешовой дал и брат Нагиева Рашад, ранее отказывавшийся отвечать на вопросы следствия и ссылавшийся на 51-ю статью Конституции.

Он рассказал, что дважды видел Кенешову дома у родственника, причем оба раза они закрывались на кухне, а когда Рашад заходил туда, чтобы налить чаю, резко замолкали. Тем не менее во время второй встречи он якобы услышал их разговор. «Мой брат сказал Кенешовой: "Наргиз заказала крупную партию мефа, товар мы должны будем забрать в начале сентября". На это Кенешова ответила: "Я знаю об этом, Наргиз сказала об этом еще в начала августа и заказала посылку на мое имя". Я точно расслышал слово "меф", которым, насколько мне известно, обозначается наркотик», — подчеркнул он.

Через три дня после дачи этих показаний Ниджат Нагиев попросил о досудебном соглашении со следствием, пообещав рассказать о своих сообщниках. Вскоре он получил отказ. «Изучением ходатайства <...> установлено, что обвиняемый намеревается сообщить органу следствия сведения о собственном участии в совершении преступления <...>, а также сведения, уже известные органу следствия <...>. Так, в материалах уголовного дела имеются сведения о соучастнике преступной деятельности Нагиева (допрос Кенешовой о ее

участии и участии Мамедовой в незаконном обороте наркотиков; допрос [Рашада] Нагиева, который также указывает на совершение преступления Кенешовой», — постановил зампрокурора Самарской области Алексей Павлов.

За несколько дней до этого следователь составил протокол осмотра телефона Нагиева. Согласно этой бумаге, в записной книжке были обнаружены контакты «Вася» — с номером, зарегистрированным на Мамедову, и *Elizaveta* — с номером, зарегистрированным на Кенешову. Среди эсэмэсок нашлась переписка, в которой Нагиев называл «Васю» Нарой, а та говорила, что «просто хотела забрать товар». Войти в *Telegram* следователю не удалось, поскольку приложение запрашивало цифровой пароль. Однако, как следует из протокола, в папке «Фото» были сохранены 62 скриншота переписки в телеграме; на одном из них говорилось: «Там посылка пришла) я Лизе написал, чтоб с ней пойти и забрать)».

Еще один скриншот содержал переписку в *Telegram* с абонентом *Elizaveta*. «Верхняя строчка указанной переписки видна наполовину, далее виден текст сообщения абонента *Elizaveta*: "... магнитов, и замотала в один слой еще 76, чтобы он сам домотал второй слой изоленты с магнитом. Сделала так, потому что подумала, что если открывать у безмагнитных слой и вставлять магнит, изолента прочно держать уже не будет. Пакеты закончились и большие, и маленькие, если он приедет забирать, пусть возьмет мне самые маленькие и побольше. И изоленту с магнитами. Ну и сам товар, естественно"», — так описан скриншот в документе.

Нагиева допросили об этой переписке лишь в феврале 2018 года. Он объяснил, что во время одной из личных встреч Мамедова сама скачала на его телефон приложение *Telegram* и установила на него пароль, который не сказала студенту, вместо этого добавив в настройках возможность разблокировки по его отпечатку пальца. «Я входил туда только отпечатком своего пальца, не набирая пароля. В данный момент мне неизвестно, почему вход в данную программу с помощью моего отпечатка не производится», — говорил он.

Отвечать на вопрос о скриншотах, сохраненных в памяти телефона, Нагиев отказался, сославшись на 51-ю статью Конституции.

Соглашение

В день задержания Нагиева Мамедова, как признавалась она позже следователю, зачала ребенка. За месяц до этого девушка сыграла свадьбу и 6

сентября вылетела в Сочи, где жили родители ее мужа, а в конце месяца отправилась в свадебное путешествие в Турцию, и лишь в середине октября вернулась на Кубань. По словам Мамедовой, 14 января 2018 года она вместе с мужем на машине приехала в Самару, чтобы попасть на заседание комиссии по восстановлению в университете. Задержали ее лишь 19 марта. В тот же день она написала явку с повинной и призналась, что действительно занималась распространением мефедрона совместно с Нагиевым. После этого ее отпустили под подписку о невыезде.

В первых протоколах допросов Мамедовой о соучастии Кенешовой речи не идет — девушка подтвердила, что о содержимом посылки ее знакомой известно не было. Все изменилось в середине апреля 2018 года, когда Мамедова заключила досудебное соглашение о сотрудничестве. После этого она изменила свои показания и рассказала, что в начале июня 2017 года передала Кенешовой 10 грамм мефедрона, попросив ее расфасовать наркотик и сделать закладки по 0,5 грамма. Когда Кенешова закончила работу, Мамедова продала товар через бот в телеграме, получив от каждого покупателя по тысяче рублей через *QIWI*-кошелек, номер которого она вспомнить не смогла. Она заплатила девушке 6 тысяч рублей, после чего Лиза сказала, что готова заниматься только расфасовкой наркотика, но делать закладки больше не хочет.

До середины июля, уверяла Наргиз, она не менее трех раз передавала Кенешовой наркотики на расфасовку — за каждую упаковку та якобы получала 150 рублей — пока в июле 2017 года студентка неожиданно

не заявила, что ей неудобно хранить дома весы и упаковку. После этого Мамедова сняла для Нагиева квартиру за 15 тысяч рублей. С тех пор Кенешова забирала предметы, необходимые для фасовки, только по мере необходимости. Когда понадобилось заказать посылку с 600 граммами мефедрона на ее имя, говорила Мамедова, Лиза без раздумий согласилась.

Нагиев полностью подтвердил эти показания Мамедовой. На последующих допросах они обросли подробностями: так, Наргиз уточнила, что сообщила Кенешовой о содержимом посылки, позвонив ей в телеграме — таким образом следователь был избавлен от необходимости проверять данные биллинга. Нагиев уточнил, что скриншот переписки с пользователем *Elizaveta* ему прислала сама Лиза. После этого старший лейтенант Лисовский написал рапорт об обнаружении в действиях Кенешовой признаков преступления по той же части 3 статьи 30, пункту «г» части 4 статьи 228.1 УК (покушение на сбыт наркотиков в особо крупном размере).

29 мая 2018 года девушку вызвали на допрос в качестве свидетеля, а когда она явилась в УФСБ, оперативники отвезли ее в Ленинский районный суд, который удовлетворил ходатайство следствия об аресте. На допросе Лиза вину не признала и настаивала, что о причастности Нагиева и Мамедовой к торговле наркотиками не знала. В конце июля 2018 года лейтенант Лисовский выделил дело в отношении Мамедовой в отдельное производство и подготовил обвинительное заключение на оставшихся фигурантов. В нем последние показания Кенешовой определялись как не заслуживавшие

доверия и продиктованные стремлением избежать уголовной ответственности.

Кроме показаний обвиняемых, оперативников ФСБ, двух сотрудниц курьерской службы и брата Нагиева, а также протокола осмотра его телефона, доказательств, указывающих на вину Кенешовой, в деле не было.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Первый вердикт

Уголовное дело Кенешовой и Нагиева стало первым[4] в Самаре, поступившим в районный суд для рассмотрения с участием присяжных. Вел процесс входящий в квалификационную коллегию судей области судья Владимир Сурков. В основном составе присяжных оказались предпринимательница, владелец магазина, тамада, электрик, воспитательница детского сада; установить род занятий шестого заседателя «Медиазоне» не удалось. Дело рассматривалось в самом вместительном зале суда. Кроме адвоката Анищенко Лизу защищал его коллега Михаил Якубенко.

Мать обвиняемой Людмила вспоминает: на процессе защита смогла убедить присяжных, что Лиза, пользуясь щедрой поддержкой родных, не нуждалась в деньгах, да и физически не могла

фасовать наркотики в указанный в обвинительном заключении период. В это время она постоянно находилась в разъездах: в начале лета ездила в Казахстан, затем — в Петербург и в Подмосковье, где была прописана и получала паспорт. Впрочем, фотографии из этих поездок, представленные защитой, суд отказался приобщать к доказательствам — как и диплом об оконченных курсах визажистов, который, по мнению адвокатов, помог бы убедить присяжных, что Лиза верила: в посылке была косметика.

Чтобы рассмотреть все материалы, коллегии понадобилось почти 30 заседаний, занявших чуть больше, чем три месяца. 13 декабря 2018 года судья Сурков передал присяжным опросный лист. Им нужно было ответить на 13 вопросов.

При этом в первом из них — о самом событии преступления — Мамедова, Кенешова и Нагиев определялись как «первое», «второе» и «третье лицо»; в остальных вопросах речь шла о доказанности вины сразу двух подсудимых, а не каждого из них по отдельности.

«Вопросы были сформулированы с грубейшим нарушением УПК, который однозначно говорит: если в деле соучастники, то по каждому из них вопросы ставятся отдельно, кроме первого вопроса, о событии. А у нас в первом вопросе внесли эту путаницу с "лицами", а в остальных не стали разделять даже, в связи с чем я отправлял официально возражения», — говорит адвокат Анищенко.

В 19:00 присяжные вышли из совещательной комнаты. Из опросного листа следовало, что заседатели сочли доказанным событие преступления и участие в нем Нагиева и Мамедовой, но не Кенешовой. Изучив документ, судья Сурков сказал, что заседание необходимо отложить для устранения противоречий.

На следующий день в заседание не явились двое присяжных — электрик и воспитательница. Их отсутствие судья объяснил поступившими от их работодателей просьбами: первый был занят на монтаже предновогодней уличной иллюминации, а вторая из-за суда перестала справляться со своими обязанностями в детском саду. Не явилась и еще одна из присяжных — судья зачитал справку о болезни ее ребенка.

Поскольку запасных заседателей в коллегии было лишь двое, судья счел единственно возможным выходом ее роспуск. Когда Сурков объявил об этом решении, защитники встали со своих мест и стали демонстративно аплодировать.

— Вы будете судьей года в интернете, ваша честь, поверьте, как спать-то с этой совестью будете? — сказал, согласно протоколу заседания, Анищенко. — Браво! У меня язык не поворачивается, ваша честь, называть так больше вас.

— Да какая там, господи, честь! — вторил ему адвокат Якубенко.

— Второе дело вы так же проиграете, как и первое, я вам гарантию даю. Сколько раз будете разгонять

суд присяжных? Ну, убедились в правосудии в России, господа присяжные? Спасибо вам, уважаемые присяжные, за принятое решение, — Анищенко был эмоционален.

— Лиза, не плачь, не плачь. Кругом гестапо. Ты что, не видишь, тебя оправдали — и радуйся этому, оправдают и во второй раз, — сказал он подзащитной, когда присяжные удалялись из зала.

После заседания адвокат подал в СК заявление о возбуждении уголовного дела по статье 294 УК (воспрепятствование осуществлению правосудия). В рамках проверки следователь опросил электрика и воспитательницу, выбывших из коллегии — по словам обоих, они не явились, поскольку в суде их заверили в том, что их смогут заменить запасные заседатели.

В возбуждении уголовного дела следователь отказал.

Приговор

В феврале 2019 года заседания возобновились в новом составе коллегии; на этот раз она как на подбор состояла из немолодых женщин. Анищенко заявил отвод четырем из заседательниц, заподозрив, что они работают в муниципальных структурах и имеют юридическое образование, однако получил отказ. Тогда адвокат воспользовался предусмотренным УПК[5] правом на немотивированный отвод и все же заменил одну из присяжных. Тем не менее, уверен он, как минимум двое заседательниц, работающие в местных органах власти, продолжили участие в

процессе — при этом, уверяет мать Кенешовой, одна из них нередко спала на плече у другой.

Второй процесс прошел с тем же судьей Сурковым, но уже в зале поменьше. «При этом они хитро сделали — присяжных посадили уже справа от клетки. То есть я стою, и для того, чтобы мне к ним обращаться, мне нужно поворачиваться спиной к председательствующему. Кто-то из специалистов подсказал ему, видать, как нужно рассадить, чтобы все плохо слышали и видели, я считаю», — рассуждает адвокат.

В начале прений — второй процесс родственники Кенешовой полностью записали на диктофон — Анищенко задался вопросом: «за какие заслуги» проходящая по делу свидетелем Мамедова остается на свободе? Судья Сурков вместо ответа стал стучать молотком и потребовал прекратить разговор о человеке, вопрос виновности которого в данном заседании не рассматривается. В общей сложности на полуторачасовой записи речь защитника прерывается стуком молотка около 30 раз.

Разбирая доказательства, представленные следствием, Анищенко обратил внимание, что дело по большей части состоит из косвенных и субъективных улик. Версию Нагиева и Мамедовой, изложенную ими на допросах после заключения досудебного соглашения, защитник назвал не выдерживающей критики.

«Скриншот, который ФСБ считает главной уликой, якобы был из переписки между Кенешовой и Мамедовой, но в телефоне моей подзащитной,

который эксперты так старательно потрошили в суде, этих сведений не было. При этом верхняя часть скриншота была обрезана, а определить, с какого телефона он был сделан на самом деле, не представляется возможным. <...> Но даже если предположить, что это истинный скриншот, то почему в ФСБ не возбудили дело на Лизу сразу, если им было это известно еще в день задержания, ну вот же они — доказательства?! Не хочу предполагать, но у меня напрашивается мысль, что и скриншот, и показания брата Нагиева, и датированные 4 сентября признательные показания Лизы были изготовлены одновременно — после того, как Мамедова заключила досудебное», — говорил адвокат.

Ниджат Нагиев, выступая с последним словом, попросил отнестись к нему со снисхождением и дать шанс на исправление. Лиза сказала, что до скамьи подсудимых ее довели ее «наивность и доверчивость».

«Если бы можно было сделать так, чтобы этого всего не было, как-то исправить все — я была бы только рада. Но ценой моей жизни сейчас девушка, которой я поверила, находится дома со своими родными, со своими близкими, и спокойно своими ногами приходит сюда. В то время, как я нахожусь здесь из-за нее. Я хотела бы вас попросить... Я знаю, что у вас всех огромный жизненный опыт, и он поможет вам принять правильное решение», — обратилась к присяжным Кенешова.

Осмотрев второй опросный лист — позже выяснится, что счет в вопросах о виновности Лизы в нем был 3:3, что означало ее оправдание — судья Сурков объявил

перерыв в заседании «в связи с окончанием рабочего времени», чем вызвал бурное негодование защиты и родственников подсудимой.

— Сейчас рабочее время, мы должны до конца рассматривать! Я не знаю, какой вердикт вы вынесли, но вы должны вынести его до конца! — уговаривает присяжных Анищенко на диктофонной записи.

— Я ухожу сейчас и объявляю перерыв до завтра, — отрезает судья.

— До завтра нельзя! Это незаконно! Завтра опять кто-нибудь не придет. Дежа вю!

— Ну что за издевательство над людьми?
Что, второй раз уже? Сколько можно, товарищ председательствующий? Произвол какой-то! Я второй раз приезжаю за тысячу километров! Беспредел! — вмешивается один из родственников Лизы.

— Завтра у нас кто-то из присяжных не явится! Кто вам мешает сейчас объявить эти противоречия? Неудивительно будет, если завтра ФСБ придет или плохо кому-то станет! — шумят в зале.

На следующий день присяжные после недолого пребывания в совещательной комнате вернули судье исправленный опросный лист — теперь за виновность Кенешовой выступали четверо заседателей против двух, а результаты прошлого голосования были просто-напросто перечеркнуты

ручкой. Адвокат Анищенко уверен, что свое решение поменяла самая пожилая из заседательниц.

11 апреля Ленинский районный суд огласил приговор Мамедовой — ей дали пять лет колонии общего режима. На следующий день в том же зале судья Сурков огласил приговор Кенешовой и Нагиеву. «За свою деятельность по незаконному распространению наркотических средств подсудимые Кенешова и Нагиев получали вознаграждение в виде денежных средств. <...> Отбывание наказания в условиях, не связанных с изоляцией от общества, суд считает невозможным», — решил судья, назначив Кенешовой восемь лет общего режима, а Нагиеву — четыре года строгого.

Эпилог

После приговора отец Кенешовой — высокий и худой седовласый мужчина — перенес два инфаркта. Дмитрий Дейна лишь недавно получил первое свидание с Лизой. «Она понимает, что просто пальцем ткнули на нее — никаких улик, ни доказательств, ничего нету, кроме слов. Но она говорит, что верит, что что-то изменится. Уже постепенно, конечно, руки опускаются. Но остается только верить в лучшее», — говорит молодой человек.

Адвокат Анищенко, подавая жалобу на приговор в Самарский областной суд, не стал перечислять все свои претензии к ФСБ, указав лишь на один-единственный факт: человеку, в невиновности которого были уверены две коллегии присяжных, дали реальный срок.

«Мы имеем то, что имеем — два оправдательных вердикта, восемь лет лишения свободы. <...> Даже в 1990-х правила соблюдались, а здесь, получается, у тебя одни правила написаны для тебя, а кто-то принимает решение совершенно вне этих правил. Ну вот в шашки мы играем, оппонент проигрывает и говорит — слушай, да ты не по тем правилам играл! Давай-ка заново, не считается! А тебя даже не предупредили о том, что правила поменялись», — недоумевает защитник.

«Для чего надо было так поступать судье, во имя чего? — задается он риторическим вопросом. — Очевидно, потому, что решение не он принимал. Ведь если бы принимал он, то можно было бы сделать все просто и по закону, как это обычно у нас бывает — оправдательные решения присяжных на этапе кассации или апелляции просто отменяются, всегда можно найти проблему и отменить при желании. И никакой пурги бы не было, никакого скандала. А они зачем-то пошли по пути беспредела — ну как тут не предположить, что это роль ФСБ?».

Тамада Александр Фадеев из коллегии первого созыва, несмотря на приговор, по-прежнему уверен в невиновности Кенешовой.

«Я не в силах комментировать роспуск коллегии, не в силах говорить о каких-то тонкостях. Но я исхожу из того, какие факты нам были предоставлены — это было решение коллегии, которой все было озвучено, которая все сверила, все досконально изучила, и которая вынесла такое решение, которое, хоть и не было озвучено, но было единственно верным», — настаивает он.

В 11:00 10 июля Самарский областной суд должен был начать рассмотрение апелляционной жалобы на приговор Кенешовой. Заседание началось с трехчасовым опозданием. В результате коллегия судей под председательством судьи Елены Жуковой оставила приговор без изменения, огласив лишь резолютивную часть своего решения. Теперь защита намерена обжаловать приговор в кассационной инстанции.

Обновлено 10 июля в 16:50. *Добавлена информация об итогах рассмотрения апелляционной жалобы. Исправлена фактическая ошибка: Наргиз Мамедова приговорена к лишению свободы в колонии общего, а не строгого режима.*

Редактор: Дмитрий Ткачев

---

1. Злокачественная опухоль лимфоузлов. 3 стадия характеризуется распространением новообразований по обе стороны диафрагмы или поражением других органов, помимо лимфоузлов.

2. Несмотря на то, что в федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» не говорится об обязательном участии понятых или «представителей общественности» в контролируемых поставках и проверочных закупках, на практике их присутствие считается одним из критериев достоверности результатов ОРМ.

3. Аудиосистема, в которой кроме колонок-сателлитов есть сабвуфер для воспроизведения низких частот.

4. До 1 июня 2018 года коллегия присяжных могла быть сформирована только при суде субъекта федерации.

5. Статьей 328.